

Соб. рукопись, 1975, 21 лев

Песни пламенного сердца

К 75-летию ЭРНСТА БУША

Вероятно, для многих, как и для меня, одно из сильнейших художественных впечатлений — это искусство Эрнста Буша.

Первые выступления Буша в Москве по радио и с эстрады состоялись в 1935—1936 годах. Они имели очень мало общего с концертами других эстрадных певцов. Молодой мужчина в красной рубашке под пиджаком пел о вещах простых и будничных в условиях капиталистических стран: о голоде, о повседневной борьбе рабочего класса, о каторжном труде «болотных солдат» в концентрационных лагерях гитлеровской Германии. И каждый отдельный факт поднимался до огромного художественного обобщения.

Сила воздействия выступлений Эрнста Буша исключительна. Ею они обязаны прежде всего абсолютному единству текста, музыки и исполнения, создающему особый стиль агитационного искусства огромной эмоциональной мощи. Поэтому, слушая Буша, невозможно отделить артиста-певца от поэта и драматурга. В исполнении Буша нет ни малейшего намека на какую бы то ни было напыщенность, рисовку. В его пении звучит огромная революционная страсть, насыщенная глубочайшей убежденностью. С необычайной четкостью передает Буш слово и заключенную в нем мысль. Очень простое, почти сухое по внешности исполнение вызывает в слушателе неподдельный революционный пафос. Буш не пользуется никакими средствами искусственного возбуждения аудитории, свойственными некоторым певцам и декламаторам, никакими голосовыми и интонационными трюками. Он только иногда выделяет отдельные слова. Но мысль он несет своим слушателям с предельной ясностью и выпуклостью.

Очень легко переходит Буш от пения к речитативу. Он и певец, и актер. Притом артист великолепно понимает разницу между концертной эстрадой и сценой; чувство меры ни на мгновение не покидает его. Выразительная мимика, легкий жест, в одной из песен марш на месте — вот и все.

Концерт Буша своеобразен. На тогдашних своих давних выступлениях в Москве он то вызывал сидевшего в зале поэта Эриха Вайнерта, и они вдвоем исполняли песню на вайнертовский текст, то ставлял публику подпевать ему. Это народный певец, певец-трибун, чье искусство получает непосредственный отклик в аудитории. И выступления Эрнста Буша на эстраде живо напоминали незабываемые вечера Маяковского.

Музыка очень многих песен, которые исполняет Буш, написана Гансом Эйслером. В большинстве из них, в их маршево-синкопическом ритме звучат напряжение классовых боев, сила, мужество и целеустремленность передового отряда человечества. В манере Буша, в музыке Эйслера и других авторов песен, в характере текстов — глубокая внутренняя общность, стиль, свойственный немецкому революционному искусству: лаконизм, как бы спрессованная наступательная эмоция.

После московских концертов середины тридцатых годов были выступления Буша на фронтах Испании, концлагерь во Франции, гитлеровская тюрьма, тяжелое ранение. А потом вдохновенный труд на освобожденной родине, великолепно сыгранные роли в спектаклях театра «Берлинер ансамбль». Приехав в Москву как участник гастролей этого театра, Буш выступал весной 1957 года в Центральном доме литераторов.

Два года спустя известный режиссер Н. В. Петров был приглашен в столицу ГДР: он поставил в берлинском театре «Фольксбюне» «Баню» Маяковского. Для исполнения «Марша времени» он прив-

лек Эрнста Буша. Возвратившись в Москву, Николай Васильевич привез с собой магнитофонную запись музыкальных номеров «Бани», написанных Гансом Эйслером, и в их числе «Марш времени». Он предложил мне прослушать ее.

Раздались первые звуки оркестра, Эрнст Буш взял первые ноты, и меня как будто что-то подстегнуло: хотелось вскочить с места. «Vorwärts, die Zeit!» — «Время, вперед!» Необычайное волнение вызвала утроенная сила слова Маяковского, музыки Эйслера, голоса Буша. Революционная страстность советского поэта и ударность его стиха, мощь и пружинистость ритма — «основной энергии стиха» (Маяковский), воплотившиеся в отличном переводе Гуго Гупперта, умножались в близком им мужественном, боевом искусстве немецких композитора и певца.

Только осенью 1974 года я познакомился с самим Бушем. Находясь в Берлине, я по телефону договорился с ним о встрече и приехал к нему. Он живет на тихой улице в отдаленном от центра районе Нидершёнхаузен. Его дом, как и многие другие дома этого района, новой постройки, двухэтажный, но небольшой (для одной семьи), окруженный садиком. А в нескольких минутах ходьбы — граница: за ней Западный Берлин.

Теперь Буш больше не выступает на сцене и в концертах. Но это вовсе не значит, что он прекратил творческую деятельность. Он по-прежнему работает очень активно: продолжает создавать огромную песенную эпопею на грампластинках — «Хроника в песнях, балладах и кантатах из первой половины XX века». Это серии тематических альбомов: вложенные в них песни, напевы Бушем, сопровождаются текстами в прозе и в стихах и фотоснимками, непосредственно связанными с содержанием песен и как бы расширяющими его.

Я привез Бушу мои рецензии на его выступления в Москве в 1936 году; ему было приятно вспомнить о тех днях. Сразу я почувствовал себя с ним и с его симпатичной, гостеприимной женой Ирене легко и свободно, как будто мы давно были знакомы. Было что-то по-хорошему простое, я бы сказал, уютное в их общении.

Зазвучала магнитофонная запись песен, исполнявшихся Бушем на слова прогрессивного писателя Вальтера Меринга в фильме «Песнь о жизни». Автором музыки большинства этих песен был Ганс Эйслер. И два раза, слушая их острые, подчас резкие звучания, Буш произнес добродушно-иронически, как бы с некоторым удивлением: «Wilde musik!» («Дикая музыка!»). Видимо, за сорок с лишним лет вкусы его несколько изменились; вполне возможно, что и сам Эйслер. Будь он жив, присоединился бы к его замечанию.

Голос артиста звучал очень сильно, и фрау Ирене даже спросила, не уменьшить ли громкость. Я был уверен, что слушаю уцелевшую запись времени создания фильма. Оказалось, запись нынешняя! Голос неповторимого певца сохранил свою замечательную мощь.

На пороге 75-летия Эрнст Буш остался таким же, каким был в молодости. У мастера, умудренного огромным жизненным и художническим опытом, теми же остались не только сила голоса, не только физическая бодрость, но и пламенная убежденность и активность революционного борца и творца. И по-прежнему о его искусстве можно сказать словами лозунга немецких художников коммунистов: «Kunst ist Waffe» — искусство — это оружие.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ,
доктор искусствоведения.